

Он как святой прошел над правителями и режимами

Век. Москва. - 1997. - 548 с. 1, 8
 В Итальянском дворике Музея изобразительных искусств на Волхонке звучало фортепиано Рихтера. Под эту тихую светлую музыку Москва прощалась с великим музыкантом. Три часа двигался этот скорбный людской поток — пожилые, среднего возраста и совсем молодые люди. С солидными букетами и совсем скромными. Они шли к нему, как привыкли приходиться на концерты, с цветами. Только количество бутоньерок изменилось на четное. Люди не спешили покинуть храм искусств, скапливаясь на ступенях лестницы. Поклонники, коллеги-музыканты, просто слушатели в едином прощальном порыве.

Выразить свои ощущения прошу известную пианистку и педагога профессора Веру Васильевну Горностаеву, соученицу Рихтера по классу Г. Г. Нейгауза.

— Я познакомилась с ним, когда была студенткой класса Генриха Густавовича Нейгауза. Мы все тогда бегали на его концерты, совершенно фанатически в Славу влюбленные, и он нам открывал миры. Он для нас был эталоном всего — и ни разу в жизни не опустил этой планки, остался настоящим духовным пространством, в

котором мы обитали. Он приподнимал всех, мы росли на его концертах и были абсолютно влюблены в него как в музыканта и человека.

Те записи, что мы сейчас слышим у гроба, я воспринимаю с новым ощущением того, насколько высоко все то, что он делал в своем великом искусстве. Художник и философ, он несравним, он не оставил преемников.

Окончание на 8-й странице

Фото Ксении ДЗЮБЫ

Он как святой прошел над правителями и режимами

Окончание.

Начало на 1-й странице

Рихтер выдержал бремя славы огромной, всемирной, планетарной. Не каждый, подобно Рихтеру, способен вот так сохранять несуетность, смиренность, абсолютное бескорыстие. Всё, что он оставил нам, как образ человека и художника, — для меня эталонно. При нем было нельзя злословить — он немедленно поворачивал разговор так, что это становилось невозможным. При нем невозможно было сказать пошлость. Каким-то образом, не будучи никогда диктатором, он тем не менее управлял аурой вокруг себя. Попадая в нее, люди становились лучше. Он никогда не корчил из себя праведника, был человеком с юмором, причем этот юмор чаще всего обращал именно на себя.

Никогда не видела его довольным собой. После самых удачных концертов он сиял, но удовлетворен бывал очень редко. Он сам себе ставил отметки, и отметки были невероятно строгими. Свои концерты он оценивал строже всех — удивительный, ни с кем и ни с чем не сопоставимый и не соизмеримый человек, человек — целый мир.

Смерть подводит итог. Но мы и при жизни понимали, кто он. И вот сейчас, когда он больше никогда не встанет и не заиграет, я до конца поняла грандиозность явления,

называемого Святослав Рихтер. И то, что он, как река, вышедшая из берегов, не уместился в фортепианном репертуаре (эти исторические концерты с Ниной Львовной Дорлиак, которые мы не сможем никогда забыть). И его концерты с Ойстрахом, с Ростроповичем, с Кнушевицким, с более молодым поколением — Гутман, Башметом,

так или иначе были все-таки подвластны этому режиму. Он оказался неподвластным ни тому советскому режиму, ни сегодняшнему рыночному. Это человек, над режимом существовавший.

— Действительно ли ни одного компакт-диска Святослава Теофиловича у нас не вышло?

— Это «заслуга» нашей системы.

В Гостелерадиофонде существует сто часов записей молодого Рихтера. Когда американец Делл захотел эти записи использовать, поднялась кампания против Делла, которую возглавил Николай Петров. А Нина Львовна очень хотела, чтобы вышли эти компакт-диски.

Одна мысль о том, что там сто часов записей (причем каких — мы же эти концерты слышали!), наполняет невероятным отчаянием: ни одного компакт-диска! Что, их

можно издать в России? Делл сумел бы довести это дело до конца, и записи бы вышли — а это самое главное. Надеюсь, что теперь спохватятся, догадаются, что смерть эта кого-нибудь образумит. Ситуация-то невозможная!

И какое счастье, что он успел вернуться. Он умер на нашей земле. Его любит вся планета, но так, как его любят на Родине... Для Славы это была своя земля. И отпевали его в православной церкви, и похороны на Новодевичьем. Слава — наш, мы его никому не отдадим!

Елена ЛИТОВЧЕНКО

Фото Валерия ГЕНДЕ-РОТЕ

Каганом... Каков грандиозный спектр деятельности. Если добавить страсть к живописи, к театру... Как он все это знал, любил. Эти его «Декабрьские вечера». А его огромная миссионерская деятельность, когда он объездил на машине всю Россию, не пропуская поселков и маленьких городков. Ничего подобного никто никогда не делал...

Он не давал интервью, не лез в политику. В очень сложное время он сумел прожить совершенно чистую жизнь, сумел себя оградить от всяческих посягательств века, сохранить себя от всей суеты. Другого такого примера нет — все